

Новокузнецк: узор и линия

Несвязные мысли у входа в Сад

От старого исторического города практически ничего не осталось. Каменные здания почты и уездного училища, Михайло-Архангельский собор, после долгих лет запустения вновь проливающий свет благодати со своих с прошлого года золотых куполов — вот, пожалуй, и все.

Так называемый дом Достоевского, по сути дела, построенный заново, к писателю отношение имеет лишь постольку, поскольку назван его именем. (Утверждают, что свои впечатления, в том числе и о Кузнецке, Федор Михайлович изложил в мрачной книжке «Записки из мертвого дома».)

Любопытное заявление, кстати, сделал недавно высокий чин местного управления культуры: мол, на месте церкви, где некогда венчался Достоевский, мы построим часовню, которая напоминала (!) бы об этой церкви. За точность передачи смысла ручаюсь.

Таким же новоделом является нынче восстановленная Кузнецкая крепость, давшая имя городу. Как свежераскрашенное пасхальное яичко. Любимое место заезжих фотографов и новобрачных, в честь которых уже упомянутый чин намерен палить из пушки фейерверком (почти дословно!). Хотя, наверное, приятнее иметь нечто красивое, пусть построенное заново, нежели бесхозные развалины, над которыми раздаётся вселенский плач о необходимости беречь историческое наследие. Из этих соображений трудно не согласиться с позицией мэра, предпочтительнее действовать.

Старый Кузнецк не был светочем культуры. К тому же половину его населения в 1919 году вырезал партизан Рогов, который был «против попов и коммунистов», но на стороне большевиков. Вспоминают, что заслуженного, но царского генерала Путилова расплющили двухручной пилой во дворе дома. Такая «живописная» подробность.

Город впал в состояние «конца истории», сонно наблюдая за тем, что спустя десять лет разворачивается на другом берегу Томи.

ные комнаты и туалеты — должны были выглядеть немного по-другому. Но усатый нарком металлургии Орджоникидзе, посетив их, распорядился «роскошь» убрать. Так туалеты и ванны превратились в клетки, став еще более соответствовать функции. И в этом был резон: вокруг Соцгородка — ядра будущего Сад-города — простирались «кварталы» бараков, в которых семьи рабочих ютились разделенные занавесками, и землянок...

В 1938 году на проспекте Металлургов, напротив «Коммунара», в том же конструктивистском стиле был построен главпочтамт. Но к этому времени — по новому генплану — его уже перестали считать главной улицей города. Ею стал проспект Курако, строго по прямой соединяющий вокзал, куда прибывали с очередным этапом строители Кузнецкостроя, и стройплощадку КМК — эта запердельная функциональность отмечена в 1936 году конструктивистским зданием Театра металлургов.

Однако после войны на смену идеям функциональной простоты пришли идеи в стиле псевдоампира. Победа в величайшей битве всех времен требовала своего воплощения — в том числе в архитектуре. На проспекте Металлургов стали строиться кирпичные дома, облицованные камнем. Почему-то в Новокузнецке принято считать это «ленинградским стилем». Хотя это уже был некий всесоветский строительный стандарт, учитывающий даже ранжир этажности для городов разной важности в духе империи. Но в отдельных из этих домов уже появились доселе невиданные лифты, и эта санкционированная «роскошь» знаменовала собой выход на новую степень «цивилизации».

...В 1960 году на проспекте Металлургов, уже десять лет как вновь заглавном в городе, было построено по стандартному проекту здание гортеатра. А через пять лет кафе «Юность» — в духе соображений неоконструктивизма из «стекла и бетона».

Таким образом, проспект родился эклектически из разнообразных стилей, генпланов,

Валерий НЕМИРОВ
журналист

ники КМК и Сад тоже металлургов, как очаги, если так выразиться, разных типов культуры.

Во дворцы ходили приобрести «высокой», пусть даже она была пародийно-самодеятельной — типа народных балета или театра. Тогда верилось, что именно это и есть путь освоения достижений культуры (и не без оснований).

В Сад металлургов бегали на танцульки, знакомиться и жениться — отдыхать, словом, культурно. Уровень той и другой смачно олицетворяли гипсовые лягушки фонтанов в центре променада, изо рта которых могучие, хоть и гипсовые, металлурги выжимали струи воды. Сцены «горячего» труда встречали пришедших развеяться на холодке после работы. За гуляющим по дорожкам народом строго надзирали покрытые серебрянкой торсы вождей с пудовыми лицами, тяжелыми, полупформенными пиджаками и складчатыми кирзачами.

Гипсовая суть «скульптурных групп» не обещала им вечности. Так и случилось. Так и должно было случиться. Гипсовые сталевары лежали до недавнего времени во дворе художественной мастерской Росмонумента в весьма неудобных позах. Говорят, впрочем, что они были отлиты в металле и займут свое законное место.

Забавно, что нынче среди прочих грандиозных планов обустройства «среды обитания» выдвигаются и такие экзотические, как заселение кустов садов и парков скульптурами... медведей. В пикну, должно быть, проклятым москалям, считаем, что у нас тут медведи по улицам шастают. Какой-никакой юмор, ирония даже. Что должно означать осмысление своего места в истории.

Другое дело, что монтирующиеся на театральной площади и в Саду металлургов беседки, ротонды, колонны и прочая псевдоклассическая белиберда упраздняют всякую попытку исторического оптимизма.

по фамилии Филиппов. Это, наверное, к нему обращалась газета «Большевицкая сталь» с назиданием, что рабочий Кузнецкостроя должен не менее

этого числа раз в месяц сходить в кино, не менее этого числа часов провести за чтением газет. И он ходил, и он читал. И нечеловечески орудовал лопатой.

Он достоин всяческого уважения — Андрей Севостьянович Филиппов, человек-экскаватор, герой-энтузиаст, чье имя носит улица города. Я верю, что его дела — следствие чрезвычайного душевного подъема. Можно сказать, духовного.

Были и другие истории. Не публичные, но не менее от того ценные. Помню одну, рассказанную старым, ныне уже покойным человеком-книжником (как многие тысячи людей сюда сосланным и здесь оставшимся) о том, как во времена репрессий он собрал библиотеку.

Когда темно, он ходил по помойкам. Перепуганный народ избавлялся от нежелательных книг — дореволюционных изданий Гегеля и Толстого, к примеру. Он собирал аккумуляторы, аккумуляторы, аккумуляторы...

Не знаю, что он имел в виду под «прошлым веком» в начале 90-х. Может, это была дипломатичная метафора, означавшая, что в сравнении с 30-ми, когда комбинат был построен, он технологически не сдвинулся с места? Тогда все сходится.

та Металлургов, к примеру. Или совершенная убежденность в том, что улица Кирова (нелепые девятиэтажки) отмечена государственной премией за архитектуру (!!!) — она, убежденность, зафиксирована печатно в вышедшей недавно книжке в издательстве «К

Восстановленная Кузнецкая крепость

Аутсайдерство — не только отсталая технология. Это определенная система, когда Москва — столица, а все остальное — провинция. В провинции своя иерархия: Кемерово — областной центр, Новокузнецк — «южная столица». И так далее.

Из столицы спускаются разнарядки, отпускаются бюджетные деньги, дозируются культура и искусство, которые там и производятся. В столице, в частности, снимается назидательная картина.

ка, но в это так хотелось верить, что она срослась с историей.

Впрочем, чисто новокузнецких мифов много. Один рассказывает о подземном ходе из крепости к Томи. Юридически его «находят». В таком случае каждое поколение новокузнецких пацанов обязано было искать. Это было или оспа. Надо переболеть детством.

А может, он действительно есть?!

Так — «по-древнегречески» — мыслится вход в Сад металлургов.

А там строился Сад-город при гиганте металлургии. Он даже по административному статусу не имел ничего общего с Кузнецком. Они соединились в один город Новокузнецк несколько лет спустя.

II

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1000000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Это заставка к стихотворению Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» со знакомым с детства рефреном: «Через четыре года здесь будет город-сад...».

Основу сегодняшнего Новокузнецка составляет массив зданий, построенных с 1931 года по нынешнее время в Центральном районе города по нескольким поочередно утверждавшимся и потом дополнявшимся новыми генпланам.

Первый разработал Э.Май, перенесший на болотистую почву поймы реки Абы идеи немецкого функционализма. Ярчайшим образом которого является выстроенное в подчеркнуто конструктивистском стиле здание кинотеатра «Коммунар», правда, здорово искаженное позднейшей перестройкой, а также район улиц Энтузиастов и Хитарова, с их предельно лаконичными без излишеств домами, поставленными в казарменном порядке.

Рассказывают, что по проекту санитарно-технические блоки квартир — попросту ван-

не доведенных до ума. Как и весь город. («Архитектурное единство «хрущевок» брать во внимание даже неловко.)

Гете принадлежит определение архитектуры как музыки, застывшей в камне. Так вот, если это и музыка, то духовой оркестр на похоронах великой идеи Сад-города: «сидят в грязи рабочие...».

Так формировалось то, что принято именовать «средой обитания».

III

Возникли Театр металлургов, Дворец культуры и тех-

Заготовка фигур сталеваров, которые займут место гипсовых у входа в Сад.

IV

Город строился не как центр культуры, а как металлургический гигант. Но культура имеет свойство прорастать там, где, кажется, не способно расти ничего.

Есть официозная история города. История побед, достижений, цифр, процентов, тонн, штук, расстояний до Луны и обратно, если, конечно, проложить рельсы. Это история человека-экскаватора, совершенно прихотливо выхваченного из железного и потому безликого и безпамятного потока,

изданий Гегеля и Толстого, к примеру. Он собирал аккуратно перевязанные стопки, дома сортировал. Библиотека у него была потрясающая. Он был хранителем культуры. Могу назвать его фамилию, но, думаю, не стоит. Это частная история.

Для Новокузнецка обе эти истории равновесны.

Иначе не понять, почему сегодня здесь как бы параллельно сосуществуют буйно прорастающее пресловутое «псевдо» и, например, плеяда совершенно изумительных художников, собранная в силу непонятого стечения обстоятельств в этом странном для культуры месте — в качестве противовеса, что ли?

V

Новокузнецк — город-аутсайдер.

Несколько лет назад в редакцию «Кузнецкого рабочего» заходит Стивен Коткин. Он закончил Йельский университет и преподает в Гарварде. Или наоборот. Не помню, но это неважно. Стивен, пацанистого вида профессор, приехал в Сибирь писать книгу о постсоветской экономике, в частности, о металлургии.

Пока он самозабвенно махал теннисной ракеткой в редакционном коридоре, я интервьюировал его впечатлениями.

Стивен был предельно осторожен: мол, металлургия (он был на КМК) — прошлого века, и все проблемы города связаны с этим.

Михайло-Архангельский

тельное кино, искусство для нас, безусловно, важнейшее, поскольку наглядно и убедительно может довести мысли вождей до голов рабочих.

В противоположную сторону двигаются самые талантливые и энергичные, которые не могут реализовать себя в провинции. Которым негде себя реализовать.

Новокузнецк не для таких. До недавнего времени здесь негде было образоваться, разве что на металлурга или педагога. «СПИ со СМИ» — штука 50-х годов, где под аббревиатурами скрываются Сталинский педагогический институт и Сибирский металлургический институт.

Здесь негде «заняться» политикой. Впрочем, не стоит продолжать — и так ясно: остаются аутсайдеры.

Но уникальность Новокузнецка в том, что он имеет мощный компенсатор провинциального комплекса хотя бы на областном уровне. Мы — крупнейший город в области. Мы сегодня — единственный живущий за свой счет. Мы играем в хоккей с шайбой, а они гоняют в мяч. Наши бандиты в Москве круче всех... И прочее. Сколько себя помню — ущемленная гордость лучшего города и презрение к тем, кто «из грязи — в князи». Хотя, если толком подумать... Но это уже менталитет, то, что в подкорке.

Быть может, отсюда — стремление выдать желаемое за действительное, привстать на цыпочки: вера в «ленинградское» происхождение проспек-

Михайло-Архангельский

Новокузнецк — город-аутсайдер, если он действительно может.

Карманов и Гавриленко, работающие до печенок, и т.д. — это не наша социальная реальность — тоской, Зелениным, живущий в Париже, работающий в Голландии, ласкающий тамошней, вой... Можно долго жать.

Меня всегда занимало, почему абсолютное большинство из них, что названо, следуют не нашим идеям, а идеям модернистов, при том, что родители, да и они сами, сражались в советской школе, учились чему положенному.

По контрасту со слитной, альной действительностью.

В нашем сравнительно маленьком городе больше десятков всяческих жественных салонов, галерей, музеев, постоянно действующих выставок. Часть из них — поделки дилетантов — попадаются красивые, но чужие и подешевле, чем у мастеров. Народу. Значит, тянется к нему.

Большое количество творцов творчества радужны ни странно, — это, значащая творчество привлекательно в глазах планирующих Саду публики.

История продолжается...